

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Образы снежной стихии в творчестве А.С. Пушкина

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ (МАГИСТЕРСКОЙ) РАБОТЫ

Студента(ки) 4 курса 411 группы
направления бакалавриат: 45.03.01 – Филология

Института филологии и журналистики

Прикладовой Марии Сергеевны

фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
Зав. кафедрой
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание
Зав. кафедрой
зав.кафедрой, к.ф.н., доцент
должность, уч. степень, уч. звание

 1.06.18
подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

 1.06.18
подпись, дата

Ю.Н. Борисов
инициалы, фамилия

Саратов 2018 год

Среди конструктивных основ, определяющих целостность образно-смыслового пространства словесного искусства, издавна привлекают внимание и чутких читателей, и исследователей литературы сквозные мотивы – бесконечно варьирующиеся в конкретном своём наполнении, но сохраняющие неразрывную связь с изначальным ассоциативно-семантическим ядром. Например, мотив дороги и странствий мы видим в античной «Одиссее» Гомера, а в древнерусской литературе – в «Слове о полку Игореве», мотивы любви встречаются как в античной, так и в современной мировой литературе. Такие мотивы – как тонкая и длинная лента, тянутся и пронизывают любой поэтический текст, вплоть до наших дней.

При проведении исследования мотивов и образов снежной стихии в творчестве А. С. Пушкина мы будем обращаться к ряду работ таких исследователей как В. В. Виноградов (статья «Стиль Пушкина», 1941 г.), В. Ф. Ходасевич (книга «Поэтическая фразеология Пушкина», 1969 г.), Г. П. Макогоненко (ряд работ 1970-го и 1980 – х годов), историко-литературный комментарий М. И. Гиллельсона и И.Б. Мушиной («Повесть А.С.Пушкина “Капитанская дочка”»), Ю. М. Лотман (книга «В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь», 1988 г.), М. Н. Эпштейн (книга «Природа, Мир, Тайник Вселенной», 1990 г.), а также работы ряда исследователей, которые появились сравнительно недавно – в 2000-х: О. Щербинина (статья «Образы и звуки прозы Пушкина»), С. О. Шмидт (статья «Пушкин на пороге нового тысячелетия»), Жан-Филипп Жаккар (книга «От Набокова к Пушкину») и другие.

Теперь обозначим главные вопросы нашего исследования: какую роль играет этот мотив снежной стихии в произведениях Александра Пушкина? Почему он использует определенные элементы, характерные *русской зимы*? Чем обусловлен выбор слов «метель», «вьюга», «буря» и «буран» в художественных текстах? Какую роль они играют в сюжете, что несут в своей основе?

Итак, данная работа направлена:

- на поиск смысловой доминанты мотивов снежной стихии в художественных текстах писателя,
- на изучение функций образов данной стихии в каждом из выбранных текстов,
- на рассмотрение влияния этих мотивов на развитие сюжета,
- на поиск определенной закономерности развития бурных снежных образов в художественном наследии Пушкина.

Для нашего исследования были выбраны следующие произведения:

1. «Зимний вечер», 1825 г.
2. «Зимнее утро», 1829 г.
3. «Бесы», 1830 г.
4. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» («Метель»), 1830 г.
5. «Капитанская дочка», 1836г.

Выбранные нами произведения и хронология их создания будут определять композицию нашего исследования. Поэтические тексты «Зимний вечер», «Зимнее утро» и «Бесы» характеризуются в первой главе - «Поэзия». Эти стихотворения будут рассматриваться с точки зрения лексико-семантического анализа с опорой на исследовательские работы.

Прозаические тексты «Метель» и «Капитанская дочка» характеризуются во второй главе «Проза». Здесь мы также используем приёмы лексико-семантического анализа, рассматривая выбранные фрагменты в комплексном контексте развития образов снежной стихии в поэзии и прозе, с дополнительным включением анализа картины мятежа водной стихии в поэме «Медный всадник» (1833 г.).

Рассмотрение итогов проведенной исследовательской работы представлено в заключении.

Глава 1. Поэзия

«Зимнее утро»

В стихотворении «Зимнее утро» перед читателем предстают два совершенно разных состояния природы: буря и после бури. Основное действие

бури заключено в определенный промежуток времени – поздний вечер, близкий к ночи: «Вечор...».

Такую же привязку ко времени мы будем наблюдать как в лирике («Бесы», «Зимний вечер»), так и в прозе («Метель» из повестей Белкина, «Капитанская дочка»). Этот временной период несёт в себе особое состояние напряжения, чему способствуют темнота захватывающая пространство, устремлённой со всех сторон тревожной неизвестности, вызывающей страх. Прочувствовать это беспокойное состояние нам удастся при помощи ёмкого лирического слова, ассоциативно-эмоциональная энергия которого нагнетает ситуацию: «на мутном небе мгла носилась» - мутное, загрязненное, запорошенное небо; носящаяся беспокойно мгла; мрачные, непроглядные и тяжелые тучи.

Сравним теперь спокойное, умиротворенное состояние природы, после «тяжелой» ночи. И снова повтор, днём – обязательно даётся повторное описание природного состояния, параллель вечер(ночь) – день мы найдем в «Капитанской дочке». В произведении «Зимнее утро» второе состояние представлено так: «голубые небеса» - чистое спокойное небо; яркие лучи солнца, озаряющие панораму природного рисунка; и, самое главное, снег – «блестя на солнце», – он неподвижен, статичен.

Зимнее утро – стихотворение, которое отражает колорит русской зимы, колорит всего русского мира. Это действительно лирика пейзажная, характерно русская. В подтверждение моим суждениям, приведу фрагменты лексики из данного стихотворения: «трещит затопленная печь», «не велеть ли в санки// кобылку бурую запречь».

«Зимний вечер»

Самый первый образ, с которым мы сталкиваемся при прочтении стихотворения, – буря. Буря, посредством сравнения, приобретает силу живого существа: то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя, крутит снежные вихри, стучит в окно; ярко выражен контраст между словами *дитя* и *зверь*. Он указывает на сопоставление двух миров, человеческого и животного, а вьюга

находится в пограничном состоянии. В литературном журнале “Нева”, в статье «Образы и звуки прозы А.С.Пушкина», Ольга Щербинина рассуждает о символе природной стихии в творчестве Пушкина:

«“То, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя...”¹ Соединение зверя и ребенка в одном образе — никто и никогда этого не делал так, как Пушкин, и этот образ идет из самой глубины поэзии, из бесконечных глубин подсознания, где соединяются высокое и низкое, свет и тьма».

Буря - разбушевавшаяся стихия, которая наводит страх и смятение в сердце и душе лирического героя. Далее герой продолжает диалог со своей няней, чтобы скрасить эти темные переживания.

Краски, которыми Пушкин рисует здесь бурю, преимущественно темные, мрачные. Эмоции, которые буря вызывает, по большей части, негативные. А позже картина озаряется светлыми красками, теплыми – дальнейшим диалогом и воспоминаниями.

Можно прийти к выводу о том, что здесь образ бури – как толчок к воспоминаниям лирического героя, переживаниям, которые герой изливает в своеобразном диалоге.

«Бесы»

«“Бесы” были написаны 7 сентября — на четвертый день после приезда в Болдино. Зимний, “метельный” колорит пейзажей и образов стихотворения, созданного золотой осенью, в преддверии “бабьего лета”, с несомненностью свидетельствует, что оно не явилось поэтической фиксацией непосредственных болдинских впечатлений. “Бесы” запечатлели горькие, напряженно-мучительные размышления поэта о будущем России и о своем пути художника, характерные для поры, наступившей после трагического поражения

¹Щербинина, О.Г. Образы и звуки прозы Пушкина / О. Г. Щербинина // Нева. 2008. Вып. 2.

декабристов»², – пишет Г. П. Макогоненко в своей книге «Творчество А.С.Пушкина в 1830-е годы».

Привлекает внимание, в аспекте проблематики нашего исследования суждение М. Н. Эпштейна: «О бесах, “бесконечных, безобразных”: “Что так жалобно поют?” Кажется, что буря должна выражать гнев и ярость природы,— традиция эта восходит еще к Ветхому завету, где всякого рода стихийные бедствия (потоп, разъяренное море) суть наказания за грехи человеку и человечеству. У Пушкина же стихия одновременно и зла и печальна, выступает разом как насильница и страдальца. В ней совмещаются черты зверя и дитяти, она мучит и жалуется, то есть страдает от собственного буйства, бездушия, непросветленности».³

Палитра цветов, которые использует Пушкин, снова мрачная. Тучи мчатся, мутное небо, да и сама ночь. Заблудившийся в поле человек.

О звукоподражании говорит исследователь О.Р. Николаев в своей заметке «Стихотворение А.С.Пушкина «Бесы». Опыт архетипического прочтения»: «Соотносится колокольчик в “Зимней дороге” и “Бесах”, видим, что они разнятся. В “Зимней дороге” он входит в состав элегического однозвучия (колокольчик, печальные поляны, луна...), в “Бесах” звукоподражательная формула динь-динь-динь перекликается с формулой еду-еду, благодаря чему возникает «физичность» звука, и он наделен вполне конкретной функцией – он должен отгонять нечистую силу»⁴.

²Макогоненко, Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833) / Г.П. Макогоненко. - Л.: Художественная литература, 1974. С. 97-98

³Эпштейн, М.Н. Природа, мир, тайник вселенной: Система пейзажных образов в русской поэзии / М. Н. Эпштейн. - М.: Высшая школа, 1990. С. 177.

⁴Николаев, О. Р. Стихотворение А. С. Пушкина «Бесы». Опыт архетипического прочтения / О.Р. Николаев [Электронный ресурс] : Вестник Кемеровского Университета, 2008. URL: : <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-dorogi-v-lirike-a-s-pushkina-1820-1830-h-godov>(дата обращения 27. 04. 2018)

Глава 2. Проза.

«Повести покойного Ивана Петровича Белкина»

В цикле «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» для нас имеет особое значение повесть «Метель».

Для дальнейшего анализа художественного текста обратимся к узконаправленным словарям символов, которые откроют нам новое значение снежной стихии метели. В словаре Д. Трессидера⁵ описание бури даётся следующим образом: «демонстрация божественной силы». Такое определение является ключевым для дальнейшего анализа этой повести.

Для объяснения истории создания данного произведения, обратимся к статье итальянской исследовательницы Антонио Глассе «Из чего сделалась «Метель» Пушкина»:

«"Метель" написана в Болдино, в октябре 1830 года. Из просмотра близкого по времени материала, как опубликованного, так и малоизвестного, явствует, что основой повести послужил крупнейший великосветский скандал 1829 года: побег графини Строгановой с графом Ферзенем.

Побег, вызвавший гнев царя и окончившийся военным судом и наказанием участников, засвидетельствован многими современниками. Он отмечен в первой дневниковой записи гр. Дарьи Федоровны Фикельмон, жены австрийского посла, которая приехала в Санкт-Петербург 30 июня 1829 года и поселилась недалеко от дачи Строгановых, в доме Ланского.»

Начинается «Метель» с эпиграфа - отрывка из баллады Жуковского «Светлана». Эпиграф даёт нам краткое предсказание всего того, что будет разворачиваться в дальнейшем в повести. Например, «Виден божий храм» - это тот самый огонёк, который увидит в снежную пургу Бурмин. Эпиграф наталкивает нас на размышления о печальном и тревожном, об игре судьбы, роковом стечении обстоятельств в дальнейшем повествовании: «Вещий стон гласит печаль».

⁵Трессиддер, Д. Словарь символов: переводное издание / Д. Трессиддер ; [Пер. с англ. Палько С.] - М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. С. 297.

Виктор Владимирович Виноградов раскрывает другую реальность познания художественного текста. Он проводит многочисленные параллели между Пушкиным и Жуковским и раскрывает те новые черты, которые проявились у Пушкина.

Метель в данной повести предстает как главная героиня, как рок, судьба. Здесь вспоминаем о словарных статьях, которые были помещены в начале главы. И это описание скрыто в самом тексте в словах Бурмина: «но непонятное беспокойство овладело мною; казалось, кто-то меня так и толкал». Она меняет судьбу людей, одних наказывая (Владимир), других поощряя (Бурмин и Марья). То есть, мы можем прийти к выводу о том, что в данном произведении метель выполняет сюжетобразующую функцию.

Сходное понимание роли метели в данном художественном тексте находим в работе Жана-Филиппа Жаккара, швейцарского литературоведа, русиста и переводчика. В своей книге «Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности» он приводит ряд статей, среди которых рассуждает о роли метели в данном произведении, о том, почему развязка именно такая, и рисует свое видение системы персонажей. По наблюдению исследователя, «в тексте дается целых три описания метели, она показана с точки зрения трех главных героев — Марьи Гавриловны, Владимира и Бурмина. Метель оказывается структурной основой повести и причиной всех перипетий, которые случаются с героями»⁶.

Данный фантастический сюжет, случай в ненастную погоду, позволяет включить повесть «Метель» в широкий литературно-исторический контекст рассуждений Александра Пушкина.

«Медный всадник»

Мы полагаем, что между Пушкинской «Метелью» и «Капитанской дочкой» важно упомянуть ещё одно поэтическое произведение, в котором также присутствует образ бушующей стихии, только водной. Это поэма

⁶Жаккар Ж.-Ф. Литература как таковая. От Набокова к Пушкину. Избранные работы о русской словесности. / Ж.-Ф. Жаккар. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 71 - 72

«Медный всадник» 1833 года. Эта «вставка» между двумя прозаическими произведениями очень важна, так как она является показательной деталью в рассмотрении идеи развития снежных образов в творчестве Александра Пушкина.

Лексика поэмы показывает тот накал бури, который мы встречаем в ранее рассмотренных произведениях – «как зверь // редела» («Зимний вечер» 1825 года). Следуя по тексту поэмы вновь видны отсылки к ранее написанному поэтическому тексту, но уже к стихотворению «Зимнее утро» 1825 года.

В последнем представленном фрагменте мы видим намечающийся переход от поэтических к прозаическим текстам, реализующий идею неразрывной связи подтекстов бурных мотивов творчества Александра Пушкина. Уже в «Медном всаднике» проявляется та социальная параллель, которая широко развернется в чуть более поздней «Капитанской дочке».

«Капитанская дочка»

«Капитанская дочка» является последним, напечатанным ещё при жизни поэта, произведением. История написания данного произведения плотно связана с политическими событиями того времени. Поиски ответов на вопросы связанных с борьбой за свободу, политические события в России 1825 года и прочее – вот основные предпосылки, подтолкнувшие Александра Сергеевича к поиску, переработке и созданию данного исторического романа.

Продолжая рассуждения об истории создания «Капитанской дочки», обратимся к работе С.О. Шмидта «Пушкин на пороге нового тысячелетия»: "Пушкин обладал даром глубокого и острого наблюдения, сразу схватывающего детали, многое объясняющее и датирующее (и в окружающей повседневности, и в прошлом), и умением вообразить в реальности воспринятое из литературы: всем памятно изображение снежного бурана в "Капитанской дочке". Пушкин был в степях Приуралья в сентябре, когда такого снега ещё не могло быть, но

прочитал в 1834 г. очерк С. Т. Аксакова "Буран" и привнёс из этого растянутого изложения в свой лаконичный и эмоциональный рассказ".⁷

Сопоставив описание бурана в «Капитанской дочке» и в очерке С. Т. Аксакова, А. Поляков писал: «...мы имеем типичную пушкинскую переработку, сухую и сжатую, в противовес растянутому и эмоционально насыщенному оригиналу».⁸

Важно отметить, что наибольший интерес представляет не только описание метели в параллели с «Бесами», но и то неявное сопоставление внезапного бурана, выросшего из маленького облачка – и бури народной, предводитель которой также возникнет, как маленькая черная точка на горизонте.

В последний раз к теме «Бесов» Пушкин вернулся в «Капитанской дочке», что лишний раз свидетельствовало о принципиальной важности для него поднятых в 1830 году и до конца не решенных вопросов. Обращает на себя внимание сознательно выдержанное сходство сюжетных мотивов «Бесов» и главы в романе: метель застает путников «в чистом поле», вьюга занесла дорогу, кони остановились. В конце концов дорогу находят, и лошади вновь увозят путников навстречу жилью.

Я полагаю, что вот ещё одна причина обусловленности выбора именно слова «буран», вместо «буря», «метель» или «вьюга». Буран – как предвосхищающее состояние природы, предсказание будущей ситуации в конфронтации народа и власти.

Подтверждение своей гипотезе я нахожу в работах таких исследователей, как В. Г. Ходасевич, Г. П. Макогоненко и др.

⁷Шмидт С. О. Пушкин на пороге нового тысячелетия (Доклад в Брюсселе в день открытия там памятника Пушкину) // Шмидт С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России. Т. 2 : От Карамзина до "арбатства" Окуджавы. Кн. 1. М., 2009. С. 416.

⁸Гиллельсон, М. И., Мушина, И. Б. Повесть А. С. Пушкина "Капитанская дочка": Комментарий. Пособие для учителя. / М. И. Гиллельсон, Мушина И. Б. — Л.: Просвещение, 1977. С. 83-84.

В своей работе “Поэтическая фразеология” Владислав Фелицианович Ходасевич – известный русский поэт, критик, мемуарист и пушкинист – в целом даёт характеристику поэтике Пушкина, в частности образов бурного пейзажа и обозначает то, с чем этот пейзаж связан, на что он указывает: “Вся эта фразеология, связанная с общепоэтической традицией, нашла свое отражение и у Пушкина: бранная непогода, бури народные <...> Тематически связанным с этими образами является у него и образ тучи, символизирующей несчастье, бедствия; урагана<...> символизирующих «убийственную» силу этих стихийных общественных явлений”⁹.

Метель — грозное проявление природной стихии, – продолжает учёный, – выражает и глубокий смысл могучей стихии народного мятежа, крестьянской войны за вольность. Пугачев, вышедший из метельной тьмы, не поверженный стихией (он не потерял дорогу), так же свободно будет жить и действовать в стихии восстания. Природная стихия как-то чудесно соотносится со стихией народного мятежа».¹⁰

⁹Ходасевич В.Ф.Поэтическая фразеология Пушкина / В. Ф. Ходасевич. - М., Наука, 1969. С. 79—83

¹⁰Макогоненко, Г.П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. (Литературные памятники) / Г.П. Макогоненко. - Л.: Наука, 1984. С. 200-232.

Заключение

Рассуждая о бурных мотивах в творчестве Александра Пушкина, мы приходим к выводу о том, что рассмотренные нами произведения имеют не только прочную взаимосвязь подтекстов, но и формируют единый мотив – мотив снежной стихии.

В поэзии Александра Пушкина, снежные стихии, представленные названиями «буря» и «вьюга», имеют яркие отсылки к демоническому началу, здесь нарождается представление о судьбоносности стихии в повествовании. В поэтических текстах Пушкин искусно описывает бури, используя определенную лексику и, в частности, для достижения особого эффекта присутствия читателя в тексте, звукопись. Об этом мы уже говорили в первой главе данного исследования.

После того, как в поэтических текстах сложился лирический семантико-поэтический код мотива бурной стихии, он начинает активно разрабатываться и искусно использоваться в художественном повествовании. В этом отношении важны даже кажущиеся мелкими разграничения по датам: «Бесы» и «Метель» писались почти одновременно Болдинской осенью 1830 года, но стихотворение было закончено 7 сентября, а повесть – 20 октября.

В прозаических произведениях образы метели и бурана показываются нам в развитии. Здесь в них закладывается не только демоническое начало, но и усиливается их судьбоносное значение в жизни людей. В одноименной повести метель разрешает судьбу молодых людей, она указывает им верный путь к счастью.

В «Капитанской дочке» буран – это мираж народных бурь, которые увидим мы после его непосредственного появления в тексте. Причём при прочтении мы и не задумываемся о роли бурана в сюжете. Всё написано просто и повседневно, и даже мысли не возникнет о том, что автор давно наметил курс повествования и давно дал нам подсказку, как далее будет развиваться сюжет.

Рассматривая в данном исследовании снежные стихии в творчестве Александра Сергеевича Пушкина, мы можем прийти к выводу о том, что данный мотив снежной стихии предстает перед читателем в постепенном развитии. Из прозаических произведений он, плавно расширяя свои стилистические функции, наполняется новыми смыслами и значениями, и раскрывает всю собранную им полноту в прозаических текстах. Этот вывод также свидетельствует и о том, что связь поэтики и прозы – неразделима.

Следует отметить, что после Пушкина символ снежной стихии, в частности, метели, обрстал всё новыми смыслами и оттенками. Снежные вихри пушкинской метели долетели вплоть до XX столетия, до поэзии Блока, Есенина, Пастернака, Булгакова, где образ метели, снежной бури стал символом революции.

«Характерно, что этот образ метели «запомнился» русской литературе. Метель станет символическим выражением народно-революционной России.

<...>От Пушкина к Блоку нарастает ощущение стихийности в истории и в природе, все настойчивее заявляет о себе бездна, таящаяся под внешне устойчивым общественным укладом. Потому и в снеге, и в льде — этих образах райского великолепия — все чаще начинает проглядывать нечто тревожное, пугающее: именно этой мере, в какой зима для русского мирозерцания означает красоту и сияние мира, она начинает темнеть, когда сам мир отдается во власть страшным силам разрушения. Национальная устойчивость пейзажного мотива делает особенно заметными вариации, вносимые в него ходом истории. В самом начале века выделяются две поэтические трактовки зимы — И. Анненского и А. Блока».¹¹

¹¹Макогоненко, Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1830-1833) / Г.П. Макогоненко. - Л.: Художественная литература, 1974. С. 104.